

В. Г. Белинский

**Способ к распространению
шелководства. Я. Юдицкого**

Виссарион Григорьевич Белинский

Способ к распространению шелководства. Я. Юдицкого

«...Долг рецензента – по крайней мере изложить содержание разбираемой книги; но для этого ему должно сперва прочесть книгу; а неужели вы будете требовать, чтобы мы читали подобные книги, способные отвратить от всякого чтения и от самого шелководства?..»

**Виссарион Григорьевич
Белинский**
**Способ к распространению
шелководства. Я. Юдицкого**

*СПОСОБ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ ШЕЛ-
КОВОДСТВА. Я. Юдицкого. Москва. В гу-
бернской тип. 1839. В 8-ю д. л. 34 стр.*

Странное дело! у нас многие нападают на то, что в учебных заведениях, в числе наук, не только находится русская словесность, но и еще считается одним из главнейших предметов учения. Мы никак не оправдываем этих нападков. Оставляя в стороне теорию красноречия и поэзии, и вообще всякую теорию, в низших учебных заведениях, после основательного и строгого изучения грамматики, полагаем даже полезным занимать учеников *практикою* языка, чтобы они умели ясно, вразумительно, кругло, приятно и *прилично* написать записку о присылке книги, приглашение на вечер, письмо к отцу, матери или другу о своих нуждах, чувствах, препровождении времени и прочих предметах, не выходящих из сферы их понятий и их жизни. Тут главное дело, чтобы приучить их к естественному, простому, но живому и правильному слогу, к легкости изложения мыслей и – главное – к сообразности с предметом сочинения. У нас, напротив, или приучали рассуждать детей о высоких или отвлеченных предметах, чуждых сферы их понятия, и тем заранее настраивали их к напыщенности, высокопарно-

сти, вычурности, к книжному, педантическому языку, – или приучали их писать на пошлые темы, состоящие из общих мест, не заключающих в себе никакой мысли. И все это в темных педантических формах хрии (порядковой, превращенной, автонианской){1} или риторического рассуждения в известных схоластических рамках. И какие же плоды этого учения? – Бездушное резонерство, расплывающееся холодной и пресною водою общих мест или высокопарных риторических украшений. И потому ученик, образованный по старой системе, напишет вам рассуждение о том, что знает, а между тем не умеет написать записки, простого письма. Это похоже на человека, который умеет ходить на манер древних героев, со всем театральным величием, а не умеет ни войти, ни стать, ни сесть в порядочном обществе. О господи, ужасная эта наука – риторика! Блажен, кто мог стряхнуть с себя ее педантическую гниль и пыль, и горе тому, кто навсегда и поневоле остался щеголять в ее мишурной порфире, в ее бумажной короне на голове и с ее деревянным кинжалом! А между тем должно учить детей пи-

сать; но только в основу этого учения должно полагать грамматику, в ее *общем* значении, и тесное знакомство с духом родного языка, знакомство, приобретенное теориею и еще больше практикою. Что проще – то и истиннее и труднее, и потому гораздо легче выучиться писать слогом Ломоносова или Хераскова (мы говорим о прозе), нежели слогом Карамзина, Батюшкова, Жуковского, так же как гораздо легче писать слогом Марлинского, нежели слогом Пушкина или Гоголя. Конечно, талант дается природою; но мы говорим о том, что можно, по силам каждого, приобрести учением; хорошая метода учения развивает талант, а дурная дает ему ложное направление. А куда же девалась наша риторика – мы говорим только о грамматике? Неужели риторике должно исключить из предметов учения? – Нисколько, но должно ввести ее в ее собственные пределы. Чтобы писать хорошо, надо заpastись содержанием, а этого никакая риторика не даст, – и та, которой до сих пор у нас учат, дает только губительную способность вариировать отвлеченную мысль общими местами и растягивать

пустоту в бесконечность, другими словами – пускать мыльные пузыри. Содержание дается целостностию образования и развития; умение владеть содержанием, то есть развивать его правильно, дает логика; риторика же не виновата ни в том, ни в другом. Обыкновенно у нас риторики начинаются изложением теории периодов; вот первое незаконное присвоение риторики чужого: теория периодов относится к синтаксису, что уже многие понимают. За теорию периодов следует теория *украшенного языка* – троп, метафор, фигур: вот это действительно относится к содержанию риторики. Но и тут риторика совсем не должна учить *красно писать*, или сочинять, на заданные темы, тропы и фигуры, а только должна показать значение того и другого, как выражение известного состояния или известной настроенности духа пишущего. За теорию языка украшенного обыкновенно следует учение о хриях и рассуждениях – это вон, как педантическую гниль и пыль, как гибель всего естественного, простого, как ферулу, о которой воспоминание должно сохраняться, подобно факту старины, вместе с школьными

преданиями о палях, суботках и прочем, о чем так забавно рассказывает «Пан Халявский»{2}. Стилистика – вот настоящее содержание риторики; но это не теория, а систематический, по возможности, сбор эмпирических правил, подкрепленных примерами...

Куда мы зашли? «Какое отношение имеет грамматика и риторика к *шелководству*?» – скажете вы... О, большое, очень большое, как сейчас увидим...

Кто пишет и писания свои печатает, тот – литератор, хоть бы он писал о лошадях или собаках, не только о червях. Кто хочет быть литератором, тот должен и знать язык, и владеть языком, – условие, без которого *sine qua non*[1]. Французы лучше других поняли эту практическую истину. Правила языка их приведены почти в математическую точность; знание своего языка и умение правильно и свободно выражаться на нем и словесно и письменно – у них одно из первых условий образования, точно так же, как светскость, хороший тон. Поэтому, если француз пишет нехорошо – это не от неумения, а от претензий на выпренность или от сбивчивости в

понятиях. Хорошее везде хорошо, и подражать хорошему очень похвально. Жаль, что у нас в литературе *перестали* в этом подражать французам. Прежде по крайней мере старались писать и писали правильно книжным языком; теперь словно безграмотность есть право на литераторство... Это вообще недостаток нашей общественности, недостаток нашего образования. Сколько у нас людей, которые по-французски пишут, как французы, а по-русски двух слов не умеют сказать и у своих лакеев спрашивают о значении слова или спрашивают, как назвать вот то-то или это! Сколько у нас людей, которые ни на каком языке не умеют написать двух слов, а между тем не лишены иногда не только образованности, но и учености, и обладают большим умом!.. У французов литературное образование – принадлежность и условие образованности; у нас еще роскошь, и будет роскошью, пока семена нового воспитания не принесут желанных плодов...

Вот книга о шелководстве – послушайте: «Осмелюсь предложить добро(ы)й совет изобретательным и деятельным хозяевам наших

времен (нашего времени?), обратить должное внимание на сию практическую теорию: (,) где не нужно рассматривать сочинения со стороны строгих журналистов; но обратит(ь)ся на цель отрасли (чего?) столь полезной, с точки истины (обратиться с точки истины на отрасль!!!..), и вникнув в оную, верно опытные и благонамеренные люди, (запятая) оправдают и извлекут новые приятности (?!..); (точка с запятой) и впоследствии большие выгоды, в своем изобильном, также и не богатом, но хорошо учрежденном хозяйстве: (две точки) следуя сему совету». Хорошо? литературно?.. Не угодно ли еще полюбоваться? «Видя способы неблагонадежные, (запятая) в наблюдении сего занятия; (точка с запятой) вздумал (кто?) удостовериться опытом возможности, (запятая) иметь в лучшем состоянии шелководство, в чем и успел, хотя не большое количество было выкормлено червей; но однако и сие чрезвычайно удивило очевидцев того края. Многие татары и другие жители, занимавшиеся уже давно шелководством: (две точки) были поражены таковою (такою?) неудачею, по их мнениям; силь-

ное произошло *разноглагольство*, вопреки моим доказательствам и предположениям. Некоторые говорят, что толщина и величина червей показывает болезнь; (*точка с запятой*) от которой они умрут, (;) другие же уверяли, что от излишней питательности не совьют (кто? – черви, или другие!) коконов и не будет от них шелка: столько натолковали угрожающих опасностей, (*запятая*) первому моему опыту, и *телись узреть неудачу*; но *впоследствии доказано* (ай!..), что излишняя питательность не повредила. Все черви, (*запятая*) свили отличного качества коконы, кои в размотке удивили тоже и шелкомотальщика, который был уже несколько лет знаком, (*запятая*) с выше упомянутыми *шелководствами*»{3} (вероятно, способами шелководства?) и пр. Что за путаница! О здравый смысл! о грамматика! о риторика! о логика! когда вы были больше поруганы!..

Долг рецензента – по крайней мере изложить содержание разбираемой книги; но для этого ему должно сперва прочесть книгу; а неужели вы будете требовать, чтобы мы читали подобные книги, способные отвратить

от всякого чтения и от самого шелководства?..

Сноски

1

ЭТО НЕВОЗМОЖНО (*лат.*). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Хрия – термин школьной риторики (науки красноречия), означающий совокупность приемов для развития заданной темы по определенному плану. Древнейший сборник хрий был составлен греческим ритором III–IV вв. Афтонием (или Автонием), по имени которого и сами хрии получили название афтонианских.

[^^^]

2

Повесть Г. Ф. Квитка-Основьяненко «Пан Халевский» печаталась в «Отечественных записках», 1839, № 6 и 7.

[^^^]

3

Курсивы Белинского.

[^^^]

[^^^]